

А. С. Гришина

Тверской государственный университет, магистрант

Научный руководитель: д.ф.н. В. А. Миловидов

ДИАХРОННАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО)

Известно, что в любом художественном переводе необходимо передать эстетическую составляющую, при этом сохраняя оригинальное содержание. Переводчик не может использовать любые средства языка, он обязан пользоваться лишь теми, что подходят реалиям эпохи. Поскольку каждая эпоха привносит в набор этих средств нечто свое, с течением времени перевод одного и того же текста видоизменяется. На эти изменения накладывает свой отпечаток также и индивидуальность переводчика, и многие другие факторы. В переводоведении данный феномен называется множественностью (вариативностью) перевода.

Проблема вариативности (или множественности) литературно-художественного перевода с лингвистических позиций была осмыслена относительно недавно. Советский филолог и переводчик А. В. Фёдоров в книге «Основы общей теории перевода» от 1983 года впервые затронул эту проблему как одну из наиболее важных проблем лингвистики перевода [Фёдоров 2002]. «Множественность – естественный атрибут художественного перевода, связанный с понятием творческой личности, соревнованием талантов», – считал П.М. Топер [Топер 2000: 258], а Ю.Д. Левин утверждал, что «переводная множественность» – это «существование в данной национальной литературе нескольких переводов одного и того же иноязычного литературного произведения, которое в оригинале имеет, как правило, одно текстовое воплощение» [Левин 1992: 213].

Не все представители русской классической литературы XIX века могут составить конкуренцию Ф. М. Достоевскому по количеству своих произведений, переведенных на английский.

Фактор времени, как мы показали выше, предопределяет диахроническую множественность переводов. А. В. Фёдоров считал, что переводчику в первую очередь необходимо передать исторический колорит с дальнейшим осовремениванием таким образом, чтобы он был понятен современному читателю. В этом случае должны быть отобраны словарные и грамматические языковые средства, присущие эпохе, позволяющие соблюсти нужную историческую перспективу и обозначающие «дистанцию времени». Также существует «фактор культуры во времени», который был выдвинут А. Поповичем. Он утверждал, что культурный код текста оригинала порой совпадает, но в

большинстве случаев не совпадает с культурным кодом, реализованным в тексте перевода [Попович 1980: 110]. И это – совсем не плохо. М.М. Бахтин в книге «Эстетика словесного творчества» рассуждал: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже. Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответ на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывает перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [Бахтин 1979: 334]. Таким образом и осуществляется диалог культур.

Процесс перевода романа «Преступление и наказание» на английский язык может быть осложнен тем, что повествование ведется и от имени автора, и через призму восприятия главного героя – Родиона Раскольникова, подчас с применением приема «несобственно-прямой речи». Это усложняет для переводчика проблему передачи идиостиля автора – одну из главных задач, стоящих перед ним.

В данной статье мы проанализируем, как переводчики Констанс Гарнетт (1914), Дэвид МакДафф (1991) и Ричард Пивер совместно с Ларисой Волохонской (1992) по-разному подошли к англоязычному пересозданию особенностей романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Перевод Констанс Гарнетт 1914 года считается одним из первых, который был принят миллионом англоязычных читателей. Авторитетность Гарнетт была настолько высока, что даже сейчас её переводы подвергаются переизданию. Главной «особенностью» перевода произведения Гарнетт являлись сокращения текста за счет пропуска труднопереводимых, «экзотических» слов или фраз. С точки зрения современного переводоведения это – явный недостаток. В подобных случаях переводчик может использовать приемы компенсации, синтаксической трансформации, замен, применять принципы уподобляющего перевода, использовать архаизирующие средства языка. Гарнетт допускает некоторое искажение предметно-логической или эстетической информации оригинала, в том числе и за счет снятия стилистических крайностей прозы Достоевского, пишет свой перевод неким «усредненным» стилем. Поэт и переводчик Иосиф Бродский подчеркивал, что, читая Достоевского и других писателей именно в переводе Гарнетт, англоязычная публика воспринимает их как одного и того же великого русского писателя [Бабицкая URL].

Особенность перевода произведения Гарнетт заключалась в пропуске непонятных слов или фраз (часть II, глава 6):

«У нас, ваше сиятельство, не губерния, а уезд, а ездил-то брат, а я дома сидел, так и не знаю-с... Уж простите, ваше сиятельство, великодушно!» (оригинал)

“It’s not a province, your excellency, but a district. Graciously forgive me, your excellency!” (перевод К. Гарнетт)

Гарнетт прибегла к опущению, поскольку была полностью вырезана вторая часть оригинальной фразы. Это обусловлено тем, что на языке перевода нет возможности сделать аналогичный каламбур, и таким образом, юмор, присущий русскоязычной аудитории, оказался не воспринятым англоязычной.

В пятой части первой главы можно наблюдать два момента особенности переводческой техники Гарнетт:

«За каждым пустяками он поминутно прибегал к самой Катерине Ивановне, бегал даже отыскивать ее в Гостиный двор, называл ее беспрестанно: «**пани хорунжина**» <...>» (оригинал)

*“For every trifle he ran to Katerina Ivanovna, even hunting her out at the bazaar, at every instant called her – **Pani.**”* (перевод К. Гарнетт)

Переводчица снова опустила перевод лексической единицы «хорунжина», поскольку эквивалентное значение в английском языке отсутствует. Вполне вероятно, что подобная трансформация могла привести к незначительной потере информации, ведь сама по себе информация несущественна и ею вполне можно пренебречь, для того чтобы в тексте не было непонятных элементов [Комиссаров 1990: 212]. Несмотря на вышесказанное, переводчица добивается максимального сохранения исторического колорита, национального своеобразия и передачи предметно-логической и образной информации оригинала, и подобное отражено в этом же отрывке, где Гарнетт максимально старается сохранить исторический колорит, передав слово «пани»/“Pani” с помощью транслитерации.

Переводческий метод другого переводчика, Дэвида МакДаффа, отличался от предыдущих и последующих прежде всего избытком сносок [Маругина, Деева 2009: 46], которые, как считается, восполняют дефицит средств передачи этно-специфических реалий. И все-таки переводчик в своем переводе 1991 года «потерпел неудачу» в поисках англоязычного эквивалента русскому роману: как полагают исследователи, перевод Дэвида МакДаффа не совсем корректен, «в частности, из-за несовпадающих ассоциативных цепочек автора и переводчика» [Галлямова, Матвеева 2013: 62]. Тем не менее, МакДафф применил глубокий анализ произведения и разработку нового подхода к передаче содержания произведения.

Исследователи Н.И. Маругина и А.Е. Деева в статье «Особенности передачи индивидуально-авторского стиля Ф. М. Достоевского в

англоязычных переводах (на материале романа «Преступление и наказание») приводят пример со «шляпой от Циммермана»:

«Шляпа эта была высокая, круглая, **циммермановская**, но вся уже изношенная <...>» (оригинал) (часть I, глава 1)

“*This hat had been one of those tall, round affairs from **Zimmerman’s**⁴<...>*” (перевод Д. МакДаффа)

«Шляпа есть блин, я ее у **Циммермана** куплю! <...>» (оригинал) (часть VI, глава 8)

“*I can buy it at **Zimmerman’s**⁴<...>*” (перевод Д. МакДаффа)

В списке сносок и примечаний дается следующее пояснение:

Zimmerman’s: Zimmerman was a well-known St. Petersburg hat manufacturer in whose help Dostoevsky himself one bought a hat.

Переводчикам Ричарду Пиверу и Ларисе Волохонской (1992) был присущ иной метод. Л. Волохонская создавала подстрочники с подробными примечаниями о стиле и синтаксисе каждого предложения, после чего текст подвергался обработке согласно правилам английского языка с максимальным сохранением и фактической, и эстетической информации оригинала – это было выполнено Р. Пивером. Анна Наринская в своей статье «Преступление и награждение» утверждает, что именно перевод Пивера и Волохонской считается одним из наиболее адекватных, в отличие от канонического перевода Констанс Гарнетт, но имеет меньшую популярность у англоязычной аудитории [Наринская URL].

Сравнивая переводы, необходимо учесть, что фактически все переводчики сталкивались с интерпретацией устаревших единиц измерений, в частности – со словом «верста», и все переводчики решили приравнять версту к миле (часть I, глава 1):

«Никто таких [шляп] не носит, за **версту** заметят, запомнят...» (оригинал)

“*Nobody wears such a hat, it would be noticed a **mile** off, it would be remembered*” (перевод К. Гарнетт)

“*Nobody wears things like this: it would be spotted a **mile** off, people would remember it*” (перевод Д. МакДаффа)

“*Nobody wears this kind, it can be noticed a **mile** away, and remembered*” (перевод Р. Пивера и Л. Волохонской)

Аналогично происходит с трансформацией монологов в диалоги: перед всеми переводчиками встает задача сделать монологи правдоподобными, а разговоры – более «оживленными».

В тексте Ф.М. Достоевского достаточно большое количество единиц с именем «черт/дьявол» (например: часть I, глава 2):

«*К черту!*» (оригинал)

“*Be damned!*” (перевод К. Гарнетт)

“*The devil, there’s nothing to be done!*” (перевод Д. МакДаффа)

“Ah, go to the hairy devil!” (перевод Р. Пивера и Л. Волохонской)

В плане адекватности интерпретация всех переводчиков может поставить англоязычного обывателя в тупик, поскольку в оригинале данное слово воспринимается не иначе, как тривиальное, десемантизированное восклицание.

Также стоит обратить внимание на интерпретацию переводчиками слова «гласность», которое было употреблено одним из второстепенных героев романа – А. И. Свидригайловым (часть IV, глава 1):

«А кстати: не припомните ли вы, Родион Романович, как несколько лет тому назад, еще во времена благодетельной гласности <...>» (оригинал)

*“By the way, do you remember, Rodion Romanovitch, how a few years ago, in those days of beneficent **publicity** <...>?”* (перевод К. Гарнетт)

*“<...> a few years ago, when we were still in the era of beneficent **glasnost** <...>”* (перевод Д. МакДаффа)

*“By the way, you must remember, Rodion Romanovich, how a few years ago, still in the days of beneficent **freedom of expression** <...>”* (перевод Р. Пивера и Л. Волохонской)

Гарнетт перевела данное слово как “publicity”, в то время как Пивер и Волконская отдают предпочтение варианту “freedom of expression” (буквальный перевод: «свобода выражения»).

В 1992 году Ричард Лури в своей статье «Раскольников вещает устрашающие вещи» (“Raskolnikov Says the Darndest Things”) дал несколько пояснений к переводу МакДаффа, в том числе – к данной лексической единице. Журналист утверждает, что переводчик решил отказаться от англоязычной эквивалентной интерпретации данного слова, ограничившись только транслитерацией, по причине того, что оно вошло в английский язык в период М.С. Горбачева (это непосредственно связано с Советским Союзом и его распадом в конце 1991 года) [Лури URL]. Таким образом, произошло искажение первоначальной дефиниции, потому что понятие «гласность» связано непосредственно с реализацией и последующим переходом от тоталитаризма к демократии. В период XIX века эта лексическая единица обладала иной коннотацией. «Толково-образовательный новый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой дает следующее толкование:

Гласность -

1) устар. Огласка;

2) Доступность, открытость как одна из черт подлинной демократии. [Ефремова 2000].

Предположительно, лексическая единица употреблялась именно в первом значении в XIX веке, и, таким образом, реализация в переводе МакДаффа утрачивает оригинальный замысел. При этом Пивер и Волохонская подобрали более удачный эквивалент.

Еще один пример трудности передачи реалий с сохранением временной дистантности связан с описанием церкви, которая была упомянута в одном из снов Раскольникова (часть I, глава 5):

*«Среди кладбища каменная **церковь с зеленым куполом**, в которую он раза два в год ходил с отцом и с матерью к обедне <...>»* (оригинал)

*“In the middle of the graveyard stood a stone **church with a green cupola** where he used to go to mass <...>”* (перевод К. Гарнетт)

*“In the middle of the cemetery stood a stone **church with a green onion dome**; a couple of times a year he would visit the church with his father and mother for mass <...>”* (перевод Д. МакДаффа)

*“In the middle of the cemetery there was a stone **church with a green cupola**, where he went for the liturgy with his father and mother twice a year <...>”* (перевод Р. Пивера и Л. Волохонской)

Известно, что архитектура и строение русских православных церквей предполагает наличие куполов в форме луковицы. Гарнетт учла эту особенность, поскольку переводчица посещала Россию приблизительно в конце XIX века, и, соответственно, использовала метод транслитерации, чтобы подчеркнуть отличие этой реалии от соборов и церквей иных ветвей христианства. МакДафф же, чтобы передать эту реалию, использует метафорический перевод – “church with a green onion dome” (буквальный перевод: «церковь с зеленой луковицей»), вероятно, с целью упрощения представления о внешней архитектуре и строении православной церкви. Пивер и Волохонская решили не отходить от каноничного перевода Гарнетт и также дают описание купола церкви как “green cupola”. Несмотря на временную дистанцию, более современным переводчикам удалось полностью передать специфику реалии. Данный перевод является адекватным, поскольку реалия была полностью раскрыта.

Таким образом, сравнив три перевода, выполненные в начале и конце XX века, можно прийти к выводу, что перевод Констанс Гарнетт оказался более близким к атмосфере оригинального текста, хотя и несколько сокращенным. Перевод Дэвида МакДаффа также считается адекватным, но многие моменты были интерпретированы некорректно. Более того, МакДафф старался использовать метафоры и иные лексические приемы, чтобы упростить общее понимание содержания. Ричард Пивер и Лариса Волохонская, опираясь на хорошее знание теории перевода, смогли сохранить прагматику оригинала, стилистику автора, и этот перевод оказался максимально эквивалентен оригинальному тексту.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабицкая В. Трудности перевода // LiveInternet, 2007 [Электронный ресурс]
URL <https://www.liveinternet.ru/users/095/post57258699/> (дата обращения: 23.04.2020)
Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Искусство, 1979. 320 с.

Галлямова М. С., Матвеева Е. О. Сравнительный анализ разновременных переводов романа Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи»: советская и современная рецепции [электронный ресурс]. URL: <https://research-journal.org/languages/sravnitelnyj-analiz-raznovremennykh-perevodov-romana-dzh-d-selindzhera-nad-propastyu-vo-rzhi-sovetskaya-i-sovremennaya-recepcii/> (Дата обращения: 25.01.2020).

Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М.: Издательство АСТ, 2019. 619 с. (Эксклюзив: Русская классика).

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М.: Рус. яз. 2000. 1209 с.

Интернет-библиотека «Библиофонд», 2003. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=586771> (дата обращения: 19.04.2020).

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.

Маругина Н.И., Деева А.И. Особенности передачи индивидуально-авторского стиля Ф. М. Достоевского в англоязычных переводах (на материале романа «Преступление и наказание») // Вестник Томского гос. ун-та. Серия «Язык и культура». 2009. №3 (7). С. 41-57.

Наринская А. Преступление и награждение // Коммерсантъ Weekend, 2006 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/673407> (дата обращения: 23.04.2020)

Попович А. Проблема художественного перевода / А. Попович; под общ. ред. и с предисл. П. М. Топера. М.: Высш. школа, 1980. 199 с.

Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2000. 254 с.

Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода. (Лингвистические проблемы): для институтов и факультетов иностранных языков. Учеб. пособие. – 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «Филология Три», 2002. 416 с.

Dostoyevsky F. «Crime and Punishment» / Transl. and notes by CONSTANCE GARNETT. BARNES & NOBLE CLASSICS, 2007. 566 p.

Dostoyevsky F. «Crime and Punishment» / Transl. and notes by DAVID MCDUFF. PENGUIN BOOKS, 2003. 671 p.

Dostoyevsky F. «Crime and Punishment» / Transl. and notes by R. PEVEAR AND L. VOLOKHONSKY. PAPERBACK, 1993. 608 p.

Lourie R. Raskolnikov Says the Darndest Things. 1992 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/1992/04/26/books/raskolnikov-says-the-darndest-things.html> (дата обращения: 25.04.2020)